

ДЕПАРТАМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ
ГОРОДА МОСКВЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. ПУШКИНА

Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа

Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
«Фундаментальная лингвистика и проблемы
судебной экспертизы: социальные сети
как объект научного и экспертного анализа»
(Москва, 5–6 октября 2021 г.)

Москва
2022

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА

**Фундаментальная
лингвистика и проблемы
судебной экспертизы:
социальные сети как объект
научного и экспертного
анализа**

Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
**«Фундаментальная лингвистика и проблемы
судебной экспертизы: социальные сети как
объект научного и экспертного анализа»**
(Москва, 5–6 октября 2021 г.)

Москва
2022

УДК 81
ББК 81
Ф 94

*Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.
Протокол № 6 от 23 апреля 2021 года.*

Редакционная коллегия:

П. А. Катъшев, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И. В. Огорелков, кандидат филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

А. В. Горбачева, научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Рецензенты:

А. Н. Баранов, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;

М. А. Осадчий, доктор филологических наук, вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ)

Ф 94 **Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа» (Москва, 5–6 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. – Москва : Государственный институт русского языка, 2022. – 445 с.**

ISBN 978-5-98269-260-3

Статьи посвящены исследованию актуальных вопросов лингвистической теории и экспертной практики в отношении вербальных правонарушений, совершаемых в цифровой среде. Представлены работы об исследовании вопросов лингвистической семантики и дискурс-анализа социальных сетей в приложении к задачам лингвистической экспертизы, разработки и применения методов лингвистической диагностики и идентификации цифровой личности, достижений, а также внедрения компьютерной, когнитивной лингвистики и психолингвистики в судебно-экспертную практику.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-98269-260-3

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ О РАЗВРАТНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы практики лингвистической экспертизы по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 135 УК РФ «Развратные действия», совершенных в сети Интернет. Представлена проблематика постановки вопросов и границ компетенции лингвистической экспертизы, а также конкретные проблемы методики и практики исследования материалов, направляемых на лингвистическую экспертизу в связи с расследованием дел о развратных действиях в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, развратные действия интеллектуального характера, секстинг.

Ст. 135 УК РФ предусматривает ответственность за «Совершение развратных действий без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста» (ч. 1), и те же действия, совершенные «в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста» (ч. 2) [9]. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», «К развратным действиям в ст. 135 УК РФ относятся любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших шестнадцатилетнего возраста, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям. Развратными могут признаваться и такие действия, при которых

непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей» [7].

С развитием информационных технологий основным местом совершения преступлений, предусмотренных ст. 135 УК РФ без физического контакта с потерпевшими (так называемых «интеллектуальных развратных действий»), является интернет: социальные сети, мессенджеры, различные службы знакомств и т. д. Поскольку данные сферы предусматривают преимущественно письменную форму коммуникации, одним из этапов расследования развратных действий, совершенных в отношении несовершеннолетних с использованием интернет-ресурсов, является лингвистическая экспертиза [1: 45; 4: 225].

По данной категории дел используется, как правило, единственная утвержденная на данный момент методика лингвистической экспертизы [6], однако напрямую она не направлена на решение конкретных вопросов, связанных с расследованием преступлений о развратных действиях интеллектуального характера. Кроме того, данная методика не предполагает комплексного характера исследования, в то время как по данной категории дела особенно востребовано проведение комплексных экспертиз с участием психолога, искусствоведа, сексолога. Настоящая статья имеет целью раскрыть часть возникающих в том числе ввиду отсутствия методики проблем и по возможности предложить их решение.

Границы экспертной компетенции и постановка экспертных задач.

Одной из первых проблем лингвистической экспертизы по делам о развратных действиях интеллектуального характера является проблема границ экспертной компетенции и постановки экспертных задач, актуальная как для экспертов, так и для инициаторов проведения экспертизы. Как правило, при формулировании вопросов отмечается неразличение компетенции лингвистики и психологии, лингвистики и искусствоведения, лингвистики и юриспруденции.

Все многообразие задач лингвистической экспертизы в конечном итоге сводится к двум: установлению в тексте конкретной информации (о чем идет речь) и установлению формы передачи этой информации (как об этом говорится). Применительно к развратным действиям интеллектуального характера можно говорить о следующих типовых вопросах лингвистической экспертизы, которые ставятся перед экспертом:

1. Идет ли речь в переписке между Ф.И.О.1 и Ф.И.О.2 о действиях, имеющих отношение к половым органам, половой сфере человека?

2. Имеются ли в переписке между Ф.И.О.1 и Ф.И.О.2 признаки побуждения со стороны Ф.И.О.1 к совершению действий, имеющих отношение к половым органам, половой сфере человека? Если да, то каков характер волеизъявления (просьба, требование, предложение или др.)?

3. Нарушают ли указанные высказывания нормы коммуникативной этики в данной речевой ситуации?

Первый из предложенных вопросов относится к установлению предмета речи, второй и третий – к установлению формы высказываний. Вопрос № 3 о нарушении норм коммуникативной этики ставится по делам о развратных действиях интеллектуального характера, поскольку сексуальные темы некорректно поднимать в разговоре с несовершеннолетним, за исключением ситуации общения с родителями (законными представителями) либо институциональных ситуаций (прием врача, общение с педагогом, психологом). Данные вопросы являются наиболее общими, и их перечень может быть расширен в зависимости от ситуации и потребностей расследования, например:

Имеется ли в переписке между Ф.И.О.1 и Ф.И.О.2 информация о скрываемом характере их отношений?

Имеются ли в переписке между Ф.И.О.1 и Ф.И.О.2 признаки побуждения со стороны Ф.И.О.1 к встрече?

Имеется ли в переписке между Ф.И.О.1 и Ф.И.О.2 информация о возрасте Ф.И.О.2?

Отметим, что формулировка «действия, имеющие отношение к половым органам, половой сфере человека», по нашему мнению, является достаточно спорной альтернативой формулировке «секс, сексуальные отношения». В экспертной практике первая формулировка обычно рассматривается как наиболее корректная для лингвиста, поскольку охватывает наибольшее количество возможных предметов речи, помимо собственно генитального полового акта между двумя разнополыми индивидуумами, и одновременно избавляет эксперта от необходимости квалифицировать те или иные действия как имеющие / не имеющие отношение к сексу (существует точка зрения, согласно которой в компетенцию лингвиста не входит установление того, является ли сексом просмотр порнографии и мастурбация, так называемый «виртуальный секс» и т. п. действия, о которых может идти речь в исследуемых материалах).

Чтобы разобраться в этой проблеме, обратимся к определению понятия «секс». С одной стороны, оно является общеупотребительным словом, понятным любому носителю языка и обозначающим либо «1. Все, что относится к половой жизни. Проблемы секса. Интересоваться сексом», либо «2. разговорное. Половые сношения. Заниматься сексом» [5: 727]. С другой стороны, «секс» является научным понятием психологии, сексологии, медицины и в терминологическом смысле определяется, например, как «половые отношения — совокупность психических реакций, установок и поступков, связанных с проявлением и удовлетворением влечения полового» [8: 461]. Как видно из приведенных определений, и в общеупотребительном, и в научном смысле понятие «секс» определяется через понятие «полового», что обуслов-

лено иноязычным происхождением слова (англ. sex – ‘пол’, лат. sexus – ‘пол’). В этой связи стремление экспертов-лингвистов заменить формулировку «секс, сексуальные отношения» на «действия, имеющие отношение к половым органам, половой сфере человека» является в некоторой степени проявлением научного ханжества, к тому же необоснованным. Поэтому понятие «секс» может и должно использоваться в лингвистической экспертизе в общепотребительном значении этого слова, при необходимости – с уточнениями конкретных действий, являющихся предметом речи в исследуемых текстах.

Вопросы, не относящиеся к предмету речи и форме коммуникации, не входят в компетенцию лингвистической экспертизы. К таковым относятся, к примеру, следующие:

1. Направлены ли высказывания Ф.И.О.1 в переписке на привлечение и формирование интереса к сексуальным отношениям у Ф.И.О.2?

2. Могут ли высказывания Ф.И.О.1 в переписке оказать деструктивное влияние на процесс социализации Ф.И.О.2, формирование ее ценностных ориентаций и мировоззрения, а также привести к искажению ее психосексуального развития?

3. Являются ли материалы, отправленные Ф.И.О.1 в переписке Ф.И.О.2, порнографическими материалами?

Вопросы № 1–2 относятся к сфере компетенции психологической экспертизы, поскольку предметом исследования в данном случае являются явления психологической природы – формирование интереса, психологическое развитие личности. Вопрос № 3 относится к сфере компетенции искусствоведческой экспертизы. На наш взгляд, несмотря на то, что объектом лингвистической экспертизы является текст в широком смысле, вне компетенции эксперта-лингвиста исследование на предмет отнесенности к порнографии материалов, не имеющих вербальной составляющей, а единоличное лингвистическое исследование материалов на предмет отнесенности к порнографии возможно, только если объект имеет исключительно вербальную природу.

Отметим, что для объективации расследования могут быть проведены комплексные экспертизы – психолого-лингвистическая, комплексная искусствоведческо-психолого-лингвистическая и др., где каждый эксперт проведет исследование объектов в рамках своей компетенции.

Постановка юридических вопросов (например, «Имеет ли переписка развратный характер?» и т. п.) перед экспертами любой специальности недопустима.

Объекты лингвистической экспертизы и требования к ним. Объектами лингвистической экспертизы по делам о развратных действиях интеллектуального характера являются, как правило, тексты переписки в социальных сетях, мессенджерах, приложениях для знакомств или иных службах, допускающих обмен сообщениями. Такие объекты могут включать

400 | в себя не только вербальные сообщения, но и обмен эмодзи, стикерами, картинками и фотографиями, видеозаписями, gif-рисунками, аудиозаписями и аудиосообщениями, ссылками на сторонние ресурсы. С позиции лингвистической экспертизы такие тексты являются креолизованными (смешанными), и их значение определяется как вербальной, так и визуальной составляющей, в связи с чем игнорирование визуальных компонентов недопустимо.

Подобные объекты требуют особо тщательной фиксации для направления на лингвистическую экспертизу. Наиболее правильным является проведение осмотра страниц с изготовлением последовательных скриншотов переписки, фиксацией развернутых изображений, которыми обмениваются пользователи, страниц, на которые они ссылаются, скачиванием аудиозаписей, аудиосообщений, видеозаписей и gif-рисунков. Для удобства работы экспертов необходимо также предоставлять переписку в текстовом формате, допускающем копирование и цитирование текста в заключении.

Корректность фиксации и полнота предоставляемых эксперту материалов являются залогом успешного исследования. Первым после установления объектов лингвистического исследования этапом экспертизы является оценка пригодности объекта для лингвистического анализа. Цельность и связность текста – основные критерии пригодности. Объекты, зафиксированные неполно, с купюрами, могут быть ограниченно пригодными или не пригодными для лингвистического анализа.

Говоря о цельности и связности объектов исследования по делам о развратных действиях интеллектуального характера, совершенных в сети интернет, нельзя не указать на такие свойства интернет-коммуникации, как ее континуальный и одновременно дискретный характер. Переписка может длиться неделями и месяцами, при этом прерываться в зависимости от потребностей реальной жизни участников и продолжаться без ущерба общению. Эту особенность важно учитывать при оценке пригодности объекта исследования с точки зрения цельности и связности. Естественное прерывание коммуникации в данном случае не является нарушением ее целостности, однако его следует отличать от удаления отдельных сообщений и фрагментов переписки пользователями, которое может приводить к утрате значимой для решения поставленных вопросов информации.

Другим значимым критерием пригодности применительно к текстам интернет-коммуникации является доступность текста для интерпретации. Толкование текстов интернет-коммуникации может быть затруднено:

- наличием в них грамматических ошибок (в силу возраста и иных особенностей участников переписки);
- использованием специфического сленга (следует отметить, что лексикография редко успевает за динамикой развития современного молодежного

сленга, и для толкования отдельных слов и выражений требуется проводить узуальный, контекстуальный и даже этимологический анализ).

При оценке пригодности важно понимать, препятствуют ли перечисленные особенности толкованию текста, делают ли они толкование невозможным, или можно восстановить истинный орфографический облик слов, установить значение специфических сленговых слов и выражений.

Проблемные зоны лингвистической экспертизы по делам о развратных действиях интеллектуального характера. Экспертная практика позволяет говорить о следующих проблемных зонах собственно исследовательской работы эксперта-лингвиста по делам о развратных действиях интеллектуального характера при решении тех или иных вопросов.

1. Проблема языка. Основным и главным вопросом лингвистической экспертизы по делам о развратных действиях интеллектуального характера является вопрос об отнесенности темы коммуникации к сексуальной сфере.

Решение этого, казалось бы, простого вопроса на практике может быть осложнено характером дискурса. Общеупотребительная лексика, относящаяся к семантическому полю «секс», не отличается многообразием, что с лихвой окупается массой нецензурных, жаргонных и окказиональных лексем. Нецензурные и жаргонные лексемы могут быть истолкованы с помощью соответствующих словарей сниженной лексики, но не всегда то или иное сленговое слово оказывается кодифицированным на момент производства исследования, например:

«Как бы... хотелось бы опробовать себя в плане сабы, кароч в плане шлюхи»; «У меня был парень, он тоже дом» (здесь и далее при цитировании контекстов орфография и пунктуация сохранены).

Лексемы «саба» и «дом» не зафиксированы в толковых словарях ни нормативной, ни сниженной лексики в значениях, адекватных контексту. Их значение может быть истолковано экспертом на основании контекстуального, узуального или даже этимологического анализа. Так, с этимологической точки зрения слова «саба» и «дом» представляют собой сокращения от «сабмиссив» и «доминант», англ. *submissive* и *dominant* – ‘покорный, подчиненный, зависимый’ и ‘доминирующий, подчиняющий’ соответственно. Данные слова относятся к специфическому дискурсу сексуальных БДСМ-практик и стали активно использоваться в русском языке, вероятно, в силу популярности кинофраншизы «Пятьдесят оттенков серого».

В переписке на тему секса нередко в новых значениях используется общеупотребительная лексика. Так, нередко в процессе виртуального знакомства одним из первых вопросов подозреваемого к потерпевшему является вопрос *«Ты пошлая/пошлый?»*. Наиболее близким к контекстуальному значением прилагательного «пошлый» является следующее: «2. Содержащие в себе что-либо неприличное, непристойное. П-ые анекдоты, фотографии. П. журнал.

402 | П-ая шутка, сцена. П-ая наружность» [3: 950]. При этом приведенные в словаре примеры употребления не относятся к человеку. Только узуальный анализ показывает, что в молодежной речевой среде применительно к лицу данное прилагательное употребляется как маркер того, что с данным лицом можно общаться на «пошлые» темы – половой жизни, секса и т. п. Соответственно, вопрос «Ты пошлая?» в начале коммуникации маркирует коммуникативную цель адресанта: «Я хочу говорить о сексе, могу я говорить о сексе с тобой?».

Другой языковой особенностью текстовых материалов, фигурирующих по делам о развратных действиях, является отсутствие семантической полноты. Так, детская речь потерпевших часто характеризуется семантической недостаточностью: ответы на вопросы собеседника являются односложными, краткими или избылируют штампами, не имеющими реальных референтов:

«В.: Тебе какое фото скинуть?»

А.: Пись

Жопы

Всего

И как ты трахаешься с подушкой голый

Видео»;

«А.: С кинь фото как ты пальчик суеш писюку

В.: Всм???

Как я могу сувать пальчик в писю?

Ты чего

А.: Ну как ты трогаешь писю» (А. – девочка, на момент переписки – 11 лет).

Высказывания одиннадцатилетней А. в диалоге демонстрируют незнание и непонимание ситуации полового акта и манипуляций с половыми органами и воспроизводят предыдущие просьбы собеседника. В связи с этим, на наш взгляд, речевое поведение ребенка в подобных случаях следует рассматривать как подражание, и говорить о наличии со стороны девочки побуждения к действиям сексуального характера нельзя.

2. Проблема инициативы в коммуникации. Вопрос инициативы в коммуникации является одним из признаков состава преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, и подлежит выяснению как в ходе экспертизы, так и в ходе иных следственных действий: «При допросе потерпевшего особое внимание необходимо обратить на то, известно ли было собеседнику о возрасте лица, в отношении которого совершены противоправные действия, и кто явился инициатором этих действий», «Следует провести лингвистическую судебную экспертизу для выяснения следующих вопросов: — идет ли речь о половой сфере человека в сообщениях пользователей в переписке; — кто является инициатором темы «половая сфера человека» [4: 224–225].

Словосочетание «развратные действия» применительно к несовершеннолетним вызывает довольно устойчивую ассоциацию с невинным ребенком,

которому взрослый говорит/демонстрирует нечто неприличное, непристойное. Экспертная же практика показывает, что и подростки, и даже дети младшего школьного возраста могут быть не только осведомлены о половой сфере человека в степени, позволяющей им поддерживать осмысленный разговор на эту тему, но и активно заинтересованы в ее обсуждении, например:

1) *В.: А у тебя огурец есть дома?*

А.: да

*В.: Посуй огурец сегодня дома когда порно будешь смотреть
Хорошо?*

*А.: У меня огурец не лезает в п***у*

В.: А что влезает??

А.: Палец

В.: Один?

А.: У меня дыра то маленькая» (А. – девочка, на момент переписки – 11 лет);

2) *К.: ты же хочешь стать клевои соской?*

Л.: да

К.: хочешь стать хорошей девочкой для траха?)

Л.: скорее да чем нет» (Л. – девочка, на момент переписки – 14 лет).

3) *О.: Я люблю подчинение...*

Бдсм ...

Теку когда меня называют всякими странным словами потипу «шлюшка», «сучка» и тд

Нравится от части унижение...

Как бы... хотелось бы опробовать себя в плане сабы, кароч в плане шлюхи

*К.: О***нно!»* (О. – девочка, на момент переписки – 13 лет).

В примерах № 1, 2 оба ребенка, несмотря на значительную разницу в возрасте, демонстрирует осведомленность и заинтересованность в коммуникации, а в примере № 3 девочка-подросток не просто поддерживает, но и перехватывает у подозреваемого инициативу в коммуникации. Если первоначально подозреваемым была инициирована тема половых отношений («Ты девственница? ... Хотела бы сексом заняться? ... А как бы ты хотела, расскажи?»), то его потерпевшей данная тема инициативно сужена до конкретной тематической ролевой игры БДСМ-тематики, в которой она, несмотря на формально выполняемую подчиненную роль, инициативно устанавливает правила («Хозяин, только будет 2 табу... 1) к встречам и фото не принуждать, 2) конфиденциальность и неразглашение»), вводит определенную терминологию («саба», «дом»), контролирует выполнение правил («Хозяин, помните табу?»).

По нашему мнению, перехват инициативы потерпевшей не аннулирует первоначальную инициативу в переписке подозреваемым и инициацию им тематики сексуального характера. С исследовательской точки зрения могут

404 | и должны быть описаны все формы проявления инициативы в коммуникации с конкретизацией, кто из коммуникантов и в каких аспектах инициативу проявляет.

3. Проблема непрямой коммуникации. Согласно одной из самых популярных статей о лингвистическом анализе электронной переписки на сексуальную тему [2: 172], одной из структурных опознавательных характеристик жанра секстинга (в отличие от сопоставляемого с ним автором жанра флирта) является «Прямая коммуникация, т. е. предельно эксплицитные сообщение о любовном чувстве с преобладанием физического полового желания, приглашение о близости/любви (признание), выражение прямых сексуальных смыслов, интенций и побуждений».

На практике же переписка между подозреваемым и несовершеннолетней жертвой нередко являет собой классический пример непрямой коммуникации, характеризующейся высокой степенью имплицитности и требующей как от адресата сообщений, так и от эксперта дополнительных интерпретационных усилий.

В качестве примера секстинга, содержащего непрямую коммуникацию, можно привести текстовые ролевые игры по мотивам популярных в молодежной среде книг и видеоигр. Суть текстовой ролевой игры состоит в том, чтобы от лица своего персонажа с помощью речевых действий совершать действия в игровом мире. Персонажем при этом может быть как человек, так и животное или фантастическое существо – эльф, гном и т. п. В играх используется специальный жаргон (например, *ролка* – ‘ролевая игра’, *ролить* – ‘играть в ролевую игру’), а также особая пунктуация, в которой знаки препинания маркируют речевое или «физическое» действие персонажа в игре (например, физические действия обозначаются знаком * до и после высказывания: *подошел, смотрит на тебя* – о собственном персонаже адресант нередко говорит в третьем лице).

Тематика вербальных ролевых игр связана, как правило, с сюжетами произведений, по мотивам которых они разыгрываются, однако существуют и так называемые «пошлые» разновидности игр. Игра, которая может выполнять развлекательную, коммуникативную, обучающую и другие функции, превращается в инструмент удовлетворения сексуального влечения коммуникантов. Так, молодой человек 20 лет вступил в переписку с девочкой 12 лет на основании общего интереса к книжной серии «Коты-воители». Текстовая ролевая игра между ними по инициативе молодого человека перешла в вербальное разыгрывание секса между их персонажами:

*«Рыжик: *лежу, раскинув задние лапки*»*

*Бродяга: *подошел к тебе*»*

*Рыжик: *лежу*»*

*Бродяга: *смотрю на твою шерстку вокруг интимного места*»*

*Рыжик: *лежу**

*Бродяга: *нагнулся и лизнул твою киску**».

Переписка сопровождалась также обменом картинками с изображением совокупающихся котов и кошек, котов и кошек с антропоморфными гипертрофированными половыми органами и т. п. Примечательно, что большая часть таких картинок относилась к виртуальным раскраскам, в которых коммуниканты раскрашивали изображенных животных в соответствии с окраской своих персонажей-кошек.

На поверхностном уровне исследуемая переписка содержит информацию о половых органах и половых актах кота и кошки, являющихся персонажами текстовой ролевой игры. Однако животные образы в ней представляют собой развернутую зооморфную метафору, в которой на животных переносятся свойственные людям, но не котам и кошкам, черты: наличие полового возбуждения исходя из внешнего вида партнера, совокупление ради удовольствия, наличие постоянного полового партнера, оральный секс, мастурбация и т. д. Отнесенность к реальным коммуникантам в переписке проявлялась также в многочисленных переходах собеседников с образов их персонажей на них как реальных личностей: «Бродяга» обиделся на «Рыжика» за то, что долго не отвечала, «Рыжик» приревновала «Бродягу» за то, что переписывался с другой «кошечкой» и т. п. Соответственно, описываемые в переписке половые акты кота и кошки представляют собой маскировку секстинга – виртуального секса – между реальными коммуникантами и связаны с реализацией полового влечения старшего участника игры, поскольку именно он в переписке является их инициатором. Таким образом, на содержательном уровне переписка содержит информацию о половых органах и половой сфере человека и выполняет коммуникативную функцию удовлетворения интереса к половой жизни.

Так секстинг в ролевой игре может стать примером непрямой коммуникации.

4. Проблема нормы. Одним из ставящихся на разрешение эксперта по делам о развратных действиях является вопрос соответствия речи участников нормам коммуникации между взрослым и ребенком. Данный вопрос относится к вопросам коммуникативной этики, строгость применения норм которой определяется в рамках двух оппозиций: «свой – чужой», «вышестоящий – равный» [10: 1]. Чем больше у собеседников отдаленность друг от друга по социальной иерархии, а также по степени близости, тем более строгие коммуникативные требования предъявляются к общению между ними: «социальная дифференциация носителей языка, их постоянный социальный статус и переменные социальные роли диктуют преимущественную избираемость единиц и, как следствие, закрепленность за группами носителей языка стилистически маркированных, устойчивых формул общения» [10: 71].

406 | В частности, обсуждение тем, касающихся половых органов, половой сферы человека допустимо только при условии максимально близких отношений между людьми. В разговорах с несовершеннолетними допустимо обращение к данной тематике:

- 1) родителями;
- 2) врачом;
- 3) педагогом-психологом.

Обращение к тематике половой сферы постороннего взрослого с ребенком является грубым нарушением коммуникативной этики, во-первых, по причине дистанцированности собеседников относительно друг друга в оппозиции «свой – чужой», во-вторых, обсуждение данной темы, как правило, осуществляется с использованием сниженной, грубой, нецензурной лексики, а также с циничным описанием физиологической стороны половых отношений.

В ряде случаев оппозиция «свой – чужой» становится неактуальной, однако характер коммуникации не соответствует принятым в обществе нормам. В качестве примера приведем ряд высказываний, адресованных в переписке в социальной сети отчимом падчерице 13 лет:

«Катенька, доброе утро, моя красавица! Как спалось?» (имя изменено);
«Ты моя самая красивая, самая милая, любимая девочка! Я тебя сильно-сильно люблю!!!»;

«Катя, к тебе в школе пристают мальчики? Как мальчик к девочке?»;
«Катенька, хорошая моя девочка, я по тебе очень-очень скучаю!!! Пришли мне свою фотографию!»;

«Катенька, хочешь, я тебя сегодня встречу из школы, покатаемся? Маме не скажем!))))».

Дело, в рамках которого данная переписка стала предметом экспертного исследования, было возбуждено по статье о совершении в отношении несовершеннолетней иных действий сексуального характера. Помимо физических свидетельств состава преступления, доказательством по делу стала переписка, исследование которой показало наличие преступной инициативы и умысла.

В приведенных высказываниях, как и в переписке в целом, отнесенность к сфере сексуальных отношений не маркирована внешне, однако сопоставление речи с экстралингвистическими характеристиками коммуникации показывает их несоответствие: использование речевых жанров комплимента, навязчивое выражение любви, приглашения к встрече характерны для ситуации любовных ухаживаний и сексуального интереса, но не общения отчима с несовершеннолетней падчерицей. Данные смыслы на интуитивном уровне прочитывались потерпевшей, которая не проявляла инициативы в коммуникации, не инициировала обмен сообщениями, отказывалась от встреч.

Роль лингвистической экспертизы в данной ситуации заключалась в выявлении признаков скрываемых отношений между коммуникантами, а также коммуникативной инициативы и побуждения к встрече со стороны отчима.

5. Проблема неискреннего использования языка. Согласно [1: 44], подозреваемых по делам о развратных действиях можно условно разделить на две группы: т.н. «педофилы», конечной целью которых является встреча и физический сексуальный контакт с жертвой, и «развратники», которые ограничиваются дистантной коммуникацией. При этом вторые несут не меньшую общественную опасность, чем первые, т.к. общение с детьми и подростками на сексуальные темы в зависимости от содержания такого общения может наносить различной степени вред как психосексуальному, так и общему психологическому развитию ребенка и его становлению в социуме. В ряде случаев психологический вред перерастает в физический. Например, в ситуациях шантажа, угроз на почве имевшей место коммуникации на сексуальные темы несовершеннолетние нередко совершают попытки суицида.

В связи с этим следует обратить особое внимание на такой аспект, как возможное неискреннее использование языка как подозреваемым, так и потерпевшим.

Так, молодой мужчина (ранее в приведенных контекстах – К.), проживающий в одном из городов Сибири, вел переписку в социальной сети с несколькими девочками от 12 до 15 лет из разных городов России, в том числе значительно удаленных от места его проживания, при этом представлялся жителем Москвы. В ходе бесед на околосексуальные темы, установив заинтересованность собеседницы в половых отношениях, он предлагал встречу в ходе своей якобы намечающейся командировки в город, где она проживает, с целью совершения полового акта. Далее, если собеседница соглашалась, следовало подробное обсуждение, как это будет происходить, в зависимости от желания предполагаемых партнеров:

«К.: можно еще будет позвать друзей) хочешь?»

Л.: Не надо

Если уж позориться то только для двоих...

К.: всм позориться?»

Л.: Ну если что-то пойдет не так

То я хочу чтоб об этом знали только мы

И никто больше

К.: ты не поняла

сначала мы вдвоем тебя)

а когда вольешься

позовем еще кого-нибудь» (Л. – девочка, на момент переписки – 14 лет).

При этом реальной встречи ни с кем из потерпевших не состоялось и, как следует из материалов дела, не планировалось. Кроме того, К. в переписке с Л. несколько раз прекращал коммуникацию накануне предполагаемой встречи и возобновлял ее через несколько дней, чем вызывал недовольство Л.:

«К.: Привет

Л.: Привет

К.: Я еще не приезжал

Л.: Я заметила

А обещал еще на июнь

А уже июль!

К.: Знаю

Л.: Раз знаешь то почему не приехал тогда?

Уж очень мне интересна причина того что ты не приехал в июне...

К.: Завал по работе

Л.: Тогда почему не предупредил?

К.: Хочешь чтобы извинился?

Л.: Не мешает».

Исследование переписки К. с этой и другими потерпевшими показало, что выраженное эксплицитно побуждение к встречам для секса имело иную коммуникативную цель – мотивировать собеседниц к более активному обсуждению сексуальной сферы. В связи с этим с лингвистической точки зрения вывод о побуждении к совершению действий сексуального характера сделать не представляется возможным.

Неискреннее использование языка возможно не только подозреваемым, но и потерпевшими. Так, во многих материалах отмечается тенденция к преувеличению детьми собственного возраста, сексуального опыта, примериванию на себя ролей «распутниц», жертв насилия, лиц другого пола и др. В связи с этим высказывания потерпевших также следует оценивать критически с точки зрения выявления в них той или иной информации.

Проблема неискренного использования языка особенно актуальна, когда значимо объективное рассмотрение имеющихся материалов и учет позиции не только потерпевшего, но и подозреваемого, который может быть привлечен к ответственности необоснованно.

Приведенный список проблемных зон лингвистической экспертизы по делам о развратных действиях интеллектуального характера, вероятно, не является исчерпывающим, однако мы надеемся, что его освещение и предлагаемые решения позволят сделать экспертную практику более объективной и приблизят экспертное сообщество к созданию полноценной методики лингвистической экспертизы по данной категории дел.

Литература

1. Антонов Ю. А. Особенности использования специальных знаний в области лингвистики при изучении электронной переписки в ходе расследования половых преступлений в отношении несовершеннолетних // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7. С. 42–52.

2. Бельская Н. С. Речевой жанр секстинга в судебной лингвистической экспертизе интернет-коммуникации при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1 (61). Т. 2. С. 170–176.

3. Большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

4. Ерахмилевич В. В., Суханова Е. П., Куликов Е. А. Некоторые вопросы методики расследования развратных действий, совершенных в отношении несовершеннолетних с использованием интернет-ресурсов // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 6 (104). С. 222–226.

5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 944 с. (Библиотека словарей).

6. Лингвистическая экспертиза. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов // Т. В. Назарова, Е. А. Гримайло, Н. Ю. Мамаев, А. П. Коршиков, А. В. Ростовская ЭКЦ МВД России / Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: ч. 1 / Под ред. Ю. М. Дильдина. М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС, 2010. С. 243–292.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/.

8. Словарь практического психолога / Сост. С. Ю. Головин: Харвест; Минск; 1998.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

10. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 160 с.

Nadezhda V. Vyazigina

MAIN PROBLEMS OF LINGUISTIC EXPERTISE IN CASES OF INTELLECTUAL DISTRACTIONS IN RESPECT OF MINORS ON THE INTERNET

Abstract. The article discusses the problems of the practice of linguistic expertise in cases of crimes under Art. 135 of the Criminal Code of the Russian Federation «Depraved acts» committed on the Internet. The problems of posing questions and the boundaries of the competence of linguistic expertise, as well as specific problems of the methodology and practice of researching materials sent for linguistic expertise in connection with the investigation of cases of indecent acts against minors are presented.

Keywords: linguistic expertise, sexual immorality, sexting.